

«ДО ЗАНАВЕСА тридцать минут!»
О ла, ла! Ну почему я согласился играть в этом спектакле? Мне так хорошо было дома, я была свободна... А эти кулисы — не знаю, где еще так бывает уныло, как за кулисами. Холодная неприступность. Ожидание. Хочется поджечь театр, чтобы не играть, хочется ударить. Завидую костюмерше, которая от нечего делать вяжет, грызет орешки, пожевывает.

— Много народу?
— Немало... (Уже кое-что!)
«До занавеса пятнадцать минут!»
Некоторые актеры говорят, что они концентрируются... На чем? На самих себе, что ли? Концентрироваться — какая глупость! Я не знаю, какая публика придет сегодня вечером, как она будет реагировать, как будет дышать мой партнер. Это все равно что сказать: «Смотри-ка, солнце! Давай устроим завтра пикник!» А на завтра — ужасная гроза!

Они говорят, что готовятся... Это как если бы перед коридором тореро прищипывал «Был пошел сюда. А я — туда, я сделаю пас направо, оле! А он повернет влево, и, хоп, я воткну в него бандериллы!» Хоп, тореро, и ты уже на рогах!

Как можно готовиться к тому, чего не знаешь? В театр нужно приходить совершенно опустошенным. Забыть свой день, заботы, мелкие недоразумения. Полностью перенестись в театр. Не нервничать, но концентрироваться — бог мой, на чем? Ты должен выйти на сцену пустым. С текстом в голове, но пустым, как воздушный шар — пфф... Твой план полета — вслушаться, откуда дует ветер, и начинать.

Дамы и господа, я вас еще совсем не знаю. Вы тоже знаете обо мне совсем ничего: говорят, газеты, сплетни... Так познакомимся. Я все отдам вам сейчас, может быть, даже жизнь. Что чуть было не произошло со мной в театре «Монпарнас» в спектакле «Маргарита и другие», когда я упала с трапеции на голову!

Чего вам хочется, о чем мечтается? А что было сегодня со мной? Ладно, об этом вы узнаете позже... Сегодня вечером я буду такой, какой вы хотите меня видеть. Своё слово я произнесу после того, как уложу вас на кровать, в наукае.

Какое наслаждение любить со сцены вашу тишь, взрывы хохота — я не верила, что познаю эти мгновения, но каждый вечер открываю их для себя снова и снова. Какой удивительный, потому что боюсь... ну, конечно! Цепляясь за слабый вздох. Готовая ко всему, и к провалу, и к взлету. На сцене я бессмертна, умираю и воскресаю, любовь ведет меня за руку, вой на больше не существует. Все возможно.

Меня создают, меня лепят ваши аплодисменты. Взгляд становится жарче, я вся — слух, и все это без малейшего усилия...

«Пять минут!»
Не люблю, когда мне приказывают! Да, правда! Ну хорошо... Согласна, иду...

Нервная дрожь. Путь из артистической на сцену — это путь тореро к ожидающей его толпе, смертельный коридор, дорога боксера на ринг, выход гладиатора на арену. Страх. Единственное спасение: стать срочно резиновой, гибкой и тягучей.

Трудно играть пьесу троиста раз: трудно слушать троиста раз один и те же реплики, одна и та же история и отвечать так, словно слышишь их впервые. Быть талантливой каждый день в один и тот же час — как это утомительно!

После трехсот спектаклей некоторые актеры — таких, к счастью, мало — тебя даже не слушают. Они выпаливают свою тираду тебе в спину и не отвечают, не дожидаются, пока ты отключишься. И в пьесе. Мне посчастливилось играть с изумительными партнерами: Жаном Марэ, Мишелем Оклером, Мишелем Серро, Робером Хиршем и в последнее время с Даниэлем Ивернем. Это живые существа, их дыхание слышишь. Каждый вечер они дышат по-разному, но отходят от них полностью. Публике нужно отдаваться, иначе она скажет: «О, как хорошо они играют!» Когда меня так говорят, я чувствую себя ослепленной.

И ради бога, будьте естественны! Не обязательно стричься в монахи, чтобы играть классику. Постная мина, токсичный взгляд... Молер был живым, он наслаждался жизнью, таким он останется навсегда. Побольше зловеще, искренности, черт возьми! Никакой важности, ей здесь не место. Избавьте меня от чопорности, церемонности, старомодного произношения... Вы превращаете его в святошу. Естественно — вот как говорил этот человек.

Молер — это азы актерского ремесла: аттестат зрелости, воздушные взлеты сливки. Вон отсюда! Ваши приторные вздохи и охи невыносимы. Рыдайте, но за декорациями. Не мучайте нас своим занудством, скукой и столовой вичкой. Избавьте нас от вашей бездарности, гримас и вилляний! Прямая линия — самый короткий путь от одной точки к другой, и этого достаточно!

Путь Молера, его направление верны всегда и сегодня, и завтра. Да, да, да! У него несколько иной. Форма может показаться устарелой, но суть верна. Вы скваны, вы привожены к прошлому веку. Но молеровский огонь пылает и сегодня. Так донесите его до нас, черт побери! Не гримировать его, не подделываться под XVII век. Молер вечен, и он немало потрудился ради этого. Так не разочаровывайте его.

Советую вам пойти в «Юмеди Франсез», вы увидите там подлинную дисциплину, уважение к классическому театру и море талантов... Зачем приуменьшать и без того прекрасное? Произносите красивый текст натурально, и он станет восхитительным. Забудьте, ставшись в costume и чувствуй себя в нем в 1989 году так же естественно, как это было в прошлые века. Вы играете перело мной античную трагедию. Непонятно! Моя не понимает, мои не знают, мои не понимают. О том, чтобы лучше послать, дошло до всех. Довольствуйтесь хотя бы этим, это важно — и это тоже. Абстрагируясь от своего «я», прояви хотя бы малую толику учтивости. Это не геометрическая задача и не проблема сознания. Пьесы Молера — это всего

Анни Жирардо:

Я была судьей, адвокатом, водителем такси, полицейским, хирургом, женщиной, которая боролась с раком, женщиной, которая умерла от любви, совсем простой женщиной, пытавшейся примирить ребенка и работу. Перед вами не роковая красавица, а самая обыкновенная женщина!

«САМАЯ ОБЫКНОВЕННАЯ ЖЕНЩИНА...»

лишь простые истории об утраченной любви, о разочаровании, о безрассудной страсти, это крик о помощи.

Их собралось две тысячи в амфитеатре Брюссельского университета, где играли «Мадам Маргариту». Чем больше аудитория, тем больше размах и выше взлет у спектакля. Сначала никто не хотел эти пьесы. Критики ротили от нее нас, и все же... Эта роль захватила меня, она жила во мне и по сей день. Какая необыкновенная удача — одной исполнить такой сильный текст. И сегодня она нужна мне. Шлюха! Она околдовала меня!

Их двести, и они ждут меня...
«На сцену!»
Все прощ, кроме волнения!

МАМУ всегда интересовали мои созвездия. Она ходила консультироваться к астрологам, мидеумам, и все они говорили: «Через всю жизнь вашей дочери прохитит драматическая линия». Это мрачное предсказание терроризировало меня до тех пор, пока я не поняла, что оно сбывается в моих ролях.

И я убивала на экране, и меня убивали — огнем, ножом, ядом. Кто знает, не случись все это на экране, вдруг это произошло бы со мной в жизни...

Жан Габен говорил: «Чтобы сделать фильм, требуется во-первых — хорошая история, во-вторых — хорошая история, в третьих — хорошая история». Когда сюжет хорош, то и актер будет хорош. Вот и все, нет ничего проще.

И все же кино — это головоломка (ну и пусть, я обожаю головоломки). Вот почему все должно быть на своих местах. Вот почему я всегда «здесь». Я всегда прихожу вовремя — на свидания, на съемки. А это самое трудное. В театре ты готовишься, и есть середина и конец. В кино начинаешь с середины, то с конца. Передаешься крабом, беспорядочно, и это-то как раз нормально.

Если съездишь в церковь, то снимать их нужно все сразу. А не снова в их церкви в Томбукту, как того требует хронология.

Даже если продолжение сцены я играю три месяца спустя, я к этому готова, я не выбиваюсь из ритма. И так все актеры — хорошие, конечно! Катрин Денев, Брижит Бардо, Алан Делон, Жан-Поль Бельмондо — им не нужно вычерчивать рисунок лица от начала до конца. У нас, у Монти — они ни за что не спускаются с Филиппом Нуаре. Я могла потерять его из виду на три года, но, когда мы встречались, ощущение было такое, что мы и не расставались.

Всегда было интересно, как будет переходить от съемки к съемке Патрик Деваэр. Он был непредсказуем. Но всегда последователен. Быть всегда в нужном настроении, чувствовать публику, предугадывать ее волнение — это дар. Я заранее знаю, что сработает в фильме. Я знаю, в какие минуты он взволнует публику. Я умею читать и попадать в мишень. Это дано только актеру. Это режиссеру и автору. Прирожденным актером был Лино Вентура. Он интуитивно находил свою мелодию...

Кино — это обращаться к партнеру, говорить с ним, уметь его возволновать до того, как упадешь в его объятия! «Накануне ты пришел! Дай я посмотрю на тебя, дотронусь до тебя. Это ты? Это в каком деле ты?»

Я действительно лепчу всякий вздор до начала съемки, если только актер из любезности сам не поадеет мне реплики за камерой. А иногда в разгар съемки, роняя слезы в простыни...

«Ну да, это ты Ах...»
— Стоп! Посторонний шум!
Продолжаем.

«Обними меня! Возьми меня!»
— Стоп!

Теперь оператор недоволен. К тому же освещение не годится, или попарник ошибся дверью и угодил на съемочную площадку. Итак, подведем итог: самый главный — это режиссер, потом режиссер, ассистент оператора, звукоинженер и, наконец, самый последний из последних — актер, который робко думает: «Я бы предпочел первый дубль...», но он этого не говорит по самой простой причине: на монтаже его не приглашают.

Сколько бы ни сняли дублей — шесть или десять, двенадцать или пятнадцать, сохраняют тот, где мизансцена безупречна, свет безупречен, а актер — чистейший. Но меня все это не касается. Каждый раз я должна быть на высоте, в стадии кинения. Если я не хочу ударить лицом в грязь, я не имею права ямничать, снимать, играть, как варена, глаза всегда должны быть живыми.

Иначе в кино просто нечего делать. Самое главное — это живые глаза, ду-

ша... Любость или радость — они читаются в глазах. Случается, незнакомый человек в ресторане смотрит на меня, и это волнует. Его глаза говорят мне, рассказывают...

Габен, Делон, Рэмю... Какие глаза! У Жана Бреля были фантастические глаза. А у Пиафи!

Бывают говорящие глаза и у постановщиков, которые наблюдают за тобой со своих стремянок. Их глаза окружают тебя со всех сторон, следят за каждым твоим шагом, засматривают, прислушиваются к тебе. Потом на съемках других фильмов, мы встречаемся вновь. Вместе проходим еще один кусочек пути и снова расстаемся.

Печальная наша история. Такое уж у нас ремесло. Мы яремочные фокусники. Пора в путь...
Же, наверное, думаете, что актер, проснувшись утром, решает: «Так, сыграю-ка я сегодня Жанну д'Арк или Мари Перваниц!» Э, нет! Актер всегда живет, когда за ним придут, но если никто не приходит, он остается в одиночестве и плачет.

Вот я и не отказываюсь сниматься, но мне сейчас ничего не предлагают. Ну что можно выжать из ролей до невозможности скучных дамочек Серые персонажи! И чем играть в сератине, уж лучше...

Все, что я прошу: стойкий сюжет. Чем появиться на три минуты в таком фильме, как «Пана занимается Сопровителем», лучше не выходить из дома.

Я жду, чтобы меня кто-нибудь подтолкнул. Я готова в путь, откройте только кран, и я утекю. Но никто не открывает мне дверь, а то бы я давно ушла... Впрочем, я все равно в конце концов ухажу.

И вот я у закрытой двери, жду. Мне хочется ее толкнуть, но нет, это не мое дело. Я жду, чтобы ее открыла любовь, я жду, чтобы она сказала: «Что не скажешь... Хлоп... Дверь открывается. Я только этого и жду. Конечно, я могу открыть ее и сама. Могу позвать слесаря. Впрочем, я его уже вызвала. Он придет через два часа...»

Где же наконец слесарь? А, вот и он. Я стремительно начинаю: «Дорогой месье, все очень просто: «Когда я вставляю ключ в замок и открываю дверь, ключ застревает. Чтобы ключ вылезал, нужно запереть дверь. Помните?»

— ???
— Итак, дверь открывается, но ключ застревает. Дверь закрывается, ключ можно вытащить, но я остаюсь перед закрытой дверью. Ужасная дилемма: ключ или свобода!
— Хм...

Вот так и в кино: есть ты, но нет кино: есть кино, но дверь — закрыта. Ну, разве можно так делать кино? И все же... В один прекрасный день услышать: «Приходи, будем снимать замечательный фильм» — какое счастье!

Если я снова смотрю «Нежного цыпленка», «Старую деву», «Доктора Франсуаза Гайана» — для меня это именины сердца!

Сегодня уже нет таких превосходных диалогов, мыслей, такого уважения к актерам. Выйди радости уже не испытываешь. Когда отпраздничать снимать в Грецию «Украденное белое Юпитера» — какой это был праздник! Люди, которые делали те фильмы — режиссеры, продюсеры, сценаристы (ах, Одлар), — это была одна семья. Как и в Италии, но кино, когда снимались вместе с Мэстриони, Мончелли, Монико Витти, Клаудия Кардинале, Лиз Тейлор, Ричардом Бартоном... Утраченная семья.

Кино больно. Ему не хватает любви. Денег, без которых не снимешь фильма. Я жила в палатке, играла в гаражах — все это не важно. Главное — это идея, живительный сок. Только эта пина по настоящему питает, заставляет двигаться, помогает взлететь. Только хорошая история помогает актеру и режиссеру обрести друг друга. Только, вот и все... Еще нужны деньги, продюсеры, банки. А когда дело доходит до фильма, предприниматели говорят: «Да, тебя можно понять, но в Бурк-ан-Брессе твою звезду не хотят», все летит в черту, и актер снова занимается очереью на роль.

Жизнь была скромная молоденькая актриса, не очень красивая, которая скиталась по Елисейским полям, Большим бульварам и пригородам Панамы... В кинотеатрах она пряталась в самом конце зала, за спиной у служавшей с корзиною, торговавшей сладостями, и наблюдала за лицами и реакцией зрителей.

И жили-были зрители, которые выхаживали из дома, из автобуса или метро: пофанировать немного перед тем, как зайти в кинотеатр, они входили в него с быющим сердцем в надежде увидеть замечательный фильм.

Все это по-прежнему переживаю и я. После фильмов «Жить, чтобы

«ЗВЕЗДЫ» МИРОВОГО КИНО

жизнь». «Старая дева». «Умереть от любви» обо мне стали говорить: «Она слишком много снимается». Затем я появилась в фильме «Доктор Франсуаза Гайан», после чего снималась в совершенно бесцветных фильмах. Я говорила:

— Нужно переписать сценарий!
— Ты звезда. Оставь на своем пьедестале! Это не твоё дело.

Не мое дело — может быть... Ну и пусть, но ведь это я играю в этом фильме, и если я говорю, что это плохо, значит, это плохо.

Я верю своему вкусу, своему выделю, и если я ошибалась, поверю, что я ошиблась. Я верю, что люди, которые разочаровывали меня. Я дура, это правда, но стоит ли меняться? Ведь все равно я предпочитаю быть обманутой, чем все время выдвигать. В конце концов я все равно найду того, кто не обманет меня.

В СЕГДА было немало критиков — настоящих профессионалов. С ними мне делить нечего. Искусство большого журналиста — это ум, чистоплотность, любовь и талант. Он оценивает работу, пьесу, фильм так, как они того заслуживают. Я никогда не благодарю за положительные оценки и не оспаривала негативных. Это правила игры. Это закон. Но вы, другие...

Вы сделали все, чтобы опозорить меня в глазах моих друзей, друзей и всего кино, которому, как мне кажется, я послужила вполне достойно. Вы убили мой спектакль, поставленный в «Казино де Пари», вы убили интерес публики. Вы убили актерские тайны, страсти и фантазии. Вы лишили публику ее идеолов. Вы расчленили нас на куски и распродали в своих супермаркетах. Вы обесчестили нас.

Как посмели вы фотографировать Бреля на смертном одре? Объявлять о заблуждении раком еще при жизни Фернанделла? Отравлять своим ядом Деваэра?

«Давай, убей его! Левой! Правой! Америкот! Бей в печень!»

Бедный боксер с распухшим лицом шатается.

«Давай, кончай его!»

Как прекрасна жестокость! Сейчас бокс рухнет, оле!

«Продолжай! Правой! Левой!»

Ноги больше не держат... Окровавленный бокс глотает пыль.

«Нонаут! Прикончи его!»

Он падает. Ковер превращается в подстилку, взмах полотенца, клан, поражение. Гог. Колокола, звенящие в голове.

1-й раунд: агония маленькой девочки в Мексике!

2-й раунд: сын Рони Шнайдер при смерти!

3-й раунд: японский каннибал рассказывает: «Как я сожрал студентку-медицину»!

4-й раунд: у Изабель Аджани — СПИД!

5-й раунд: Изабель умерла.

20-й раунд: Бернардет Лафон устраивает рекламный бум по поводу выхода своей книги.

30-й раунд: Полин Лафон, наркоманка, помещена в психолечебницу.

50-й раунд: тело Полин Лафон найдено в пропасти. Смерть при подозрительных обстоятельствах!

100-й раунд: уникальные снимки — трупы в Ливане, книги взлетают в воздух!

Стервятники! Наемные убийцы скандальной прессы, вы позорите журнализм и его пионеров, которые своей жизнью оплатили мужество и право информировать. Свалка неудачников, злобы и невежества! Вы набитые дураки! Примитивные наймиты! Ничтожество!

Как вам живется? Вас не тошнит прямо на стол? Вы не тушите сигарки во рту собственного ребенка?

Хватит с меня вашей измненности, вашей злобы! Если вы позволите себе хоть малейшее оскорбление в мой адрес, я убью вас! Вы больше не будете говорить за меня. У нас нет ни моего таланта, ни жизнелюбия, ни здоровья. Вы еще напачаетесь из-за меня — точно так же, как я напачкалась из-за вас.

Как видите, я еще жива и плюю на вас!

ДО ЧЕГО же причудлива и хитроумна жизнь... Отзвук орудиной и пулеметной стрельбы, трюков, тоски, стелющейся над пшеничными полями, издали донесшийся запах лошадиного навоза, пороха, отчаяния.

И я, но не в тележке, как когда-то, а на маленьком велосипеде, который я снова обрела сорок четыре года спустя. Он совсем не изменился и vezet меня сам — дорога ему хорошо знакома.

«Тише, черт, ничего не слышно!»
Взрыв, крысиный писк. Удивитель-

но, как похоже все это на то, что я уже пережила в детстве.

«Вниманье! Начинаем». Самолет летит на бреющем полете. «Мотор! Вперед, велосипедисты!»

Июнь 44-го. Я вижу три маленьких велосипеда, маму, брата Жанно и себя. Наплыв.

Июнь 88-го... «Пять дней в июне»: первый фильм Мишеля Лергана. Показка на велосипедах из Парижа в Нормандию. 44 года назад, спасаясь от оккупантов, я совершила точно такое же путешествие, но в противоположном направлении. Мне кажется, я играю в куклы и готовлю им обед.

Путешествие вспять — это всегда возвращение в кино и в мою жизнь. Мне уже не выйти из них.

До чего же прекрасно это возвращение! Июнь ты здесь... Я знаю, что оно не ушло от меня, что оно, что оно прятается или здесь, или там; я знала, что оно только что было здесь, несколько минут, несколько лет назад. Я нахожу его за кустом, оно напугало меня, вот плутишка. Проклятое кино, здорово же ты подшутило надо мной!

Спящая красавица притворяется один глаз. Я выбираюсь из сна, как прот из норы, приходом весны. Я стелю, на котором стремительно распускаются листья, зачехленные моторы включаются в разговор.

Я верю, что я прекрасна, потому что существую. О, я расту на глазах! Я должна сменить наряды... Заржавленный автомат начинает двигаться. Прочь все болезни, ревматизм, пустая квартира. Я вновь учусь говорить. Б. А. БА. Вот она, вся трепещущая от волнения новобрачная. Мой любимый идет меня. Это мой день рождения, рождество, Новый год, пасха, 14 июля, праздник, ракеты, оркестры. Да, я иду...

Вот и я! Звучат фанфары, я чувствую всеобщую любовь, доверие постановщиков, верность и уважение съёмочной группы. Вездесущий режиссер всегда рядом. Он-то не слепой. Он все видит. Он все предугадывает и предвещает. Он любит тебя. В его всевидящем взгляде — надежность, которую ощущаешь в вагоне первого класса.

Сценарист, его сценки, новые и неожиданные диалоги.

Оператор, его радужный тигель, ласковое тепло. Актер и вправду не просит многого — чуть-чуть ласки, протянутой руку, взгляд. Любовь — да бог с ней, главное — это доверие, уверенность, что ты жива...

Кино — прекрасно, дамы и господа! Да здравствует кино! Но если вы говорите, лучше смотреть его, сидя в удобном кресле и наслаждаясь эским, а хаос и беспорядок, без которых немислимо творчество, останутся за кадром. К зрителю придет фильм со своими грезами и волшебством и актер — веселый или грустный...

Актер — это воплощенный слух, обоняние и осязание. Он знает, что должен издать звук, когда хочет и как хочет. Для этого требуется сильный импульс, сюжет, диалог, текст. И этот текст преследует его повсюду, заполняет, переполняет, вытесняет его самого, заменяет зрение и мысли. И когда этот текст окончательно усваивается актером и превращается в его собственный язык, его дыхание, он отбрасывает его прочь. В буквальном смысле отбрасывает прочь! Бух! И театр падает на землю...

Где же правда, а где выдумка? Сама не знаю. Знаю только, что я делаю то, что хочу. И у меня это получается. Потому что я могу захватить вас, зацепить, потрестать, рассмешить до слез.

Актер должен уметь задержать тебя на бегу и заставить задуматься, почему тебе разрешить кучу проблем. Актер — это ты сам, это он, это какой из нас. Это тоже работа, твоя сложность, твое мужество, твоя способность общаться, твоя азбука Морзе, твой беспроволочный телефон. Это сердечный взгляд и ясновидящее сердце. Это отпущение грехов и всепрощение. Актер поможет тебе выдержать нелегкую жизнь или выстоять.

Актер — это глас, это обжора, жадный до оглушительных сенсаций. Тот, что я снажу тебе с экраны или со сцены театра, ты не найдешь ни в газете, ни в словаре. Это даже в энциклопедии выпускается теленоситель. Это мое любовное надушенное письмо, которое ты найдешь в своем почтовом ящике или под дверью.

Актер — это универсальный язык, это твоя истина. Он никому не подвластен и не подкупен. Он должен быть чист. Он никому не принадлежит. Он — твой, ваш.

Актер — это твое кокетство, твое желание, твое возмущение, твой пыл, твой вздох. «Ах, если бы...» под раду. Он — счастливчик, актер! Он посылает без кинтианий и без марок свои мысли, свою поддержку, свое престоерегающее «Би-би!» на другой конец света.

Актер — это тот, кто уносит тебя ввысь, тревожит, раздражает, царапает, беспокоит и правильно делает, что беспокоит. Он ради этого и старается, плут. Он знает, что делает и зачем.

И твою чуждечна, твою перина, твой кошмар, твой износ, твою радость. Что тебе еще? Скажи, и я принесу тебе все, что ты пожелаешь. Хочешь Перу? Оно — твое!

ПРСУБНЫЙ рассвет стучится в окно, скользят по моим ученическим тетрадкам. Сейчас наступит день. Я опять не спала.

Спасибо, Пегрион, спасибо, Альфред*, за то, что подсказали мне еще одна путь, еще одну возможность. Мне, неспособной написать почтовую открытку...

В театре моя свобода — на сцене. В кино — на съёмочной площадке, вдали от запуганных интриг. Но писать... Когда живешь в ритме мужа, матери, семьи, когда должна быть готова услужить всем и каждому, твой мозг задушен. Но потом в один прекрасный день ты говоришь: «Нет! Хочу жить в своем собственном ритме. Раз-два-три, замри!»

И ждала этого пятьдесят лет, черт возьми, но e bella la vital! Я готова. Ко всему, к ничему, к подаренной или, быть может, одолженной мне жизни, и я живу на износ. Наконец-то свобода писать! Самой придумывать кино, диалоги, быть автором для самой себя. Не искать тексты у Ионеско или Однара, но волновать публику собственными словами. Ошеломляющее открытие. Писать — это, как музана. Ты то пишешь, а ты, то разрабатываешь логику. Нужно соблюдать такт, паузы, взлеты, затихия, crescendo.

Свобода, я полностью доверюсь тебе. Приходи, дверь моя открыта... Я живу в трех слезах отсюда.

Публикацию по книге «Жить любовью» подготовила Наталья ПОПОВА.

* Имеется в виду Альфред де Мюссе.